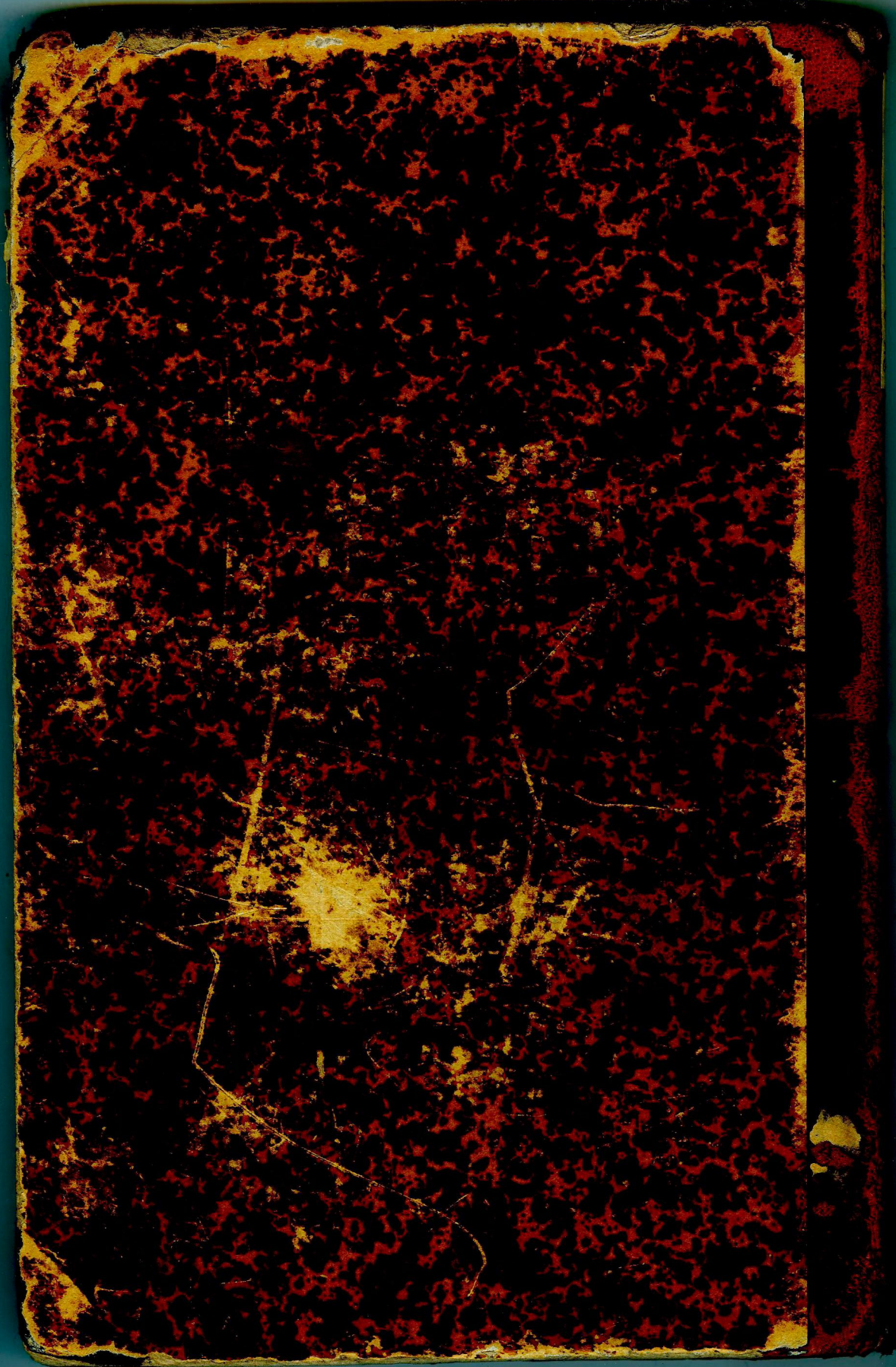

РК-2
К-151
МОЛОДИК НА
1843г. ч. II.

170032

4031

T

PR-2

170032

8y

5p

1932

МОЛОДИКЪ

НА 1843 ГОДЪ.

2

МОЛОДИКЪ.

MONOGRAM

K-151

МОЛОДІКЪ

НА 1843 ГОДЪ,

УКРАИНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ

СБОРНИКЪ,

Издаваемый И. Бецкимъ.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХДУ
Inv. № 131396

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

V48

ХАРКОВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1843.

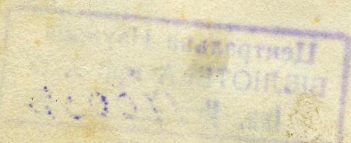
59
02
ИЗДАВАННО
ХДУ
1931

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Inv. № 140032

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, С. Петер-
бургъ, 10 Сентября 1842.

Ценсоръ А. Ожкинъ.

Ценсоръ А. Никитенко.

ПЯТЫЙ АКТЪ.

Драматическое сочиненіе,

И. Корженевскаго.

ИЗДАНИЕ АКТЫ

ОБЪЕДИНЕННЫМЪ КОЛЛЕКЦИОНАМЪ

А. А. КОЛОДЯНОВА

ПЯТЫЙ АКТЪ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНІЕ

ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Владиміръ С*

Элиза, жена его.

Графъ Генрихъ.

Докторъ.

Николай, слуга Доктора.

Василій, слуга Владиміра.

Дѣйствие происходитъ въ Лембергъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

=

Богатая и со вкусомъ меблированная бестѣдка, дверь ея отперта въ иллюминированный садъ, вдали слышна бальная музыка и по временамъ видны прогуливающиеся гости.

Графъ (*смотритъ съ нетерпѣніемъ въ двери*).

Не идутъ. Какая досада! Такъ долго ждать!—Мнѣ чрезвычайно наскучило это притворство. Она очень хорошо

знаетъ, что я люблю ее и теперь..... да, теперь у меня достанетъ смѣлости сказать ей, что она должна быть моею. Столько разъ представлялся удобный случай открыть ей мою пламенную любовь..... Чтожь? одинъ умоляющій взоръ — и гдѣ вся моя смѣлость? Невольно цѣпенѣетъ языкъ!... Ея мужъ — да что мнѣ мужъ ея? — Онъ тамъ занятъ игрою, однакожь не забываетъ посматривать и на насъ. До сихъ поръ онъ молчалъ; но мнѣ кажется, этотъ угрюмый, задумчивый философъ скоро наконецъ и заговорить. Но съ нимъ уладимъ и послѣ. (*помолчавъ*) Все еще нѣтъ. Не ужели Эмилиа обманула меня? — Она хотѣла пригласить Элизу прогуляться въ саду, обѣщала привести ее сюда и оставить одну (*вслушивается*) тише — нѣтъ, не она.... Наконецъ и Владиміръ можетъ замѣтить мое долгое отсутствіе. А! ея голосъ! благодарю, Эмилиа, благодарю. Ахъ, если бы только она вошла сюда! Она знаетъ, что этотъ балъ для нея, что она царица и въ этомъ домѣ и въ этомъ сердцѣ. Ея воображеніе должно быть воспламенено и она охотно выслушаетъ меня. Идетъ; скроюсь, чтобъ не испугать ее неожиданностію (*уходитъ въ боковую дверь*).

Э л и з а (*входитъ*).

Какое очаровательное убѣжище! Но кудажь дѣвалась Эмилиа? Эмилиа! (*становится передъ зеркаломъ и поправляетъ головной уборъ*). Злая Эмилиа оставила меня здѣсь одну, — ну какъ это можно! — Прекрасная бесѣдка (*садится; помолчавъ*). Онъ вѣрно часто, очень часто..... и, можетъ быть, на этомъ же мѣстѣ мечтаетъ обо мнѣ (*опускаетъ голову*).

Г Р А Ф Ъ *(тихо подходит и становится на колѣни).*

О комъ же могъ бы я мечтать, Элиза?

Э л и з а.

А! Эмилиа! *(встаетъ)* пустите меня, Графъ. — Какая гнусная хитрость! — Могла ли я ожидать этаго отъ вашей кухни?

Г Р А Ф Ъ.

Элиза! прекрасная Элиза! оставайтесь.

Э л и з а.

Ради Бога, пустите меня! Не ожидаютъ ли меня позоръ и безчестіе? Умоляю васъ!

Г Р А Ф Ъ.

Я буду скромень, робокъ и почтителень. Вдали отъ васъ я сложу руки, преклоню колѣни, только выслушайте меня.

Э л и з а.

Вы забыли, Графъ, что я имѣю мужа, дѣтей. Нѣтъ, нѣтъ! я не могу принять вашего поклоненія! *(смотритъ на дверь)*. Ахъ, Боже мой! толпы вашихъ гостей проходятъ мимо, весь садъ блеститъ огнями. Какъ мнѣ выдти отсюда одной? въ саду свѣтло какъ днемъ! — Поблагодарите, Графъ, вашу кухню за то, что она такъ похвально вамъ услужила; но вмѣстѣ скажите ей, что тотъ, кто не дорожитъ честью своихъ друзей, теряетъ свою собственную. — Ахъ, мой мужъ! Боже мой!

Г Р А Ф Ъ.

Вашъ мужъ занятъ игрою. Не беспокойтесь, Элиза! — Выслушайте меня. сюда никто не придетъ.

Э л и з а.

Какъ! Не ужели всѣ ваши гости въ заговорѣ съ вами и ваше намѣреніе всѣмъ извѣстно? Прекрасно, Графъ! я никакъ не могла этого подумать!—Вы говорили, что любите меня—и я думала, по крайней мѣрѣ, найти въ васъ чистое самоотверженіе, преданность; ваши слова, хотя и стыжусь признаться, глубоко проникали въ мою душу; но благодарю Бога, что я ошиблась.

Г р а ф ѣ.

Элиза!

Э л и з а.

Да, Графъ! еслибъ вы меня любили, вы старались бы внушать вашимъ друзьямъ и знакомымъ уваженіе ко мнѣ, и мое доброе имя было бы вамъ дороже вашей собственной чести; но вы поступаете иначе, и я счастлива, что ваши поступки спасаютъ слабую женщину и возвращаютъ ей всѣ чувства собственнаго достоинства!

Г р а ф ѣ.

Вы ошибаетесь, Элиза; клянусь вамъ честью, никто кромѣ Эмилии, не знаетъ моей тайны.

Э л и з а.

Вы также ошибаетесь, Графъ! изъ нѣсколькихъ словъ, услышанныхъ вами, вы заключаете слишкомъ много: я могу потушить въ моемъ сердцѣ раждающуюся искру, которую ваша самонадеянность принимаетъ за неугасимый пламень.

Г р а ф ѣ.

Но выслушайте жѣ меня.

Э л и з а.

Вы перестали быть для меня опаснымъ; моя совѣсть

спокойна, и потому я готова васъ слушать; хоть, согласитесь сами, что для этого здѣсь ни мѣсто, ни время; что дорожа своимъ именемъ и честию мужа, я не должна бы быть столько снисходительною (*садится*) извольте! что жъ вы мнѣ скажете?

Г р а ф ъ.

Прелестная Элиза!

Э л и з а.

И только? Подумайте, Графъ! Тамъ любопытные глаза слѣдятъ мои поступки; тамъ злые языки ждутъ только пищи, чтобъ оклеветать; тамъ мужъ, терзаемый ревностью, въ отчаяннѣ ставитъ, быть можетъ, на карту послѣднее..... Это ужасно, Графъ!.... Быть можетъ даже, въ эту игру, которою онъ разоряетъ себя и дѣтей, услужливые друзья ваши нарочно вовлекли его, чтобы между тѣмъ жена имѣла время опорочить себя и нанести позоръ его имени. Согласитесь, Графъ, что вы занимаетесь ремесломъ неблагороднымъ, постыднымъ — и для чего же употребляете вы всѣ прекрасные дары и судьбы и природы? — Мнѣ страшно подумать объ этомъ, однакожъ я должна сказать вамъ: это все для того, Графъ, что бы дѣти того, кого вы называете своимъ другомъ, сдѣлались нищими, чтобы та, которую вы хотите увѣрить въ своей любви, оставила дочери своей примѣръ порока и безчестія (*встаетъ*) и вы меня любите? Нѣтъ, вы любите себя, а я — я васъ презираю (*плачетъ*).

Г р а ф ъ (*беретъ ея руку*).

Элиза! ты обманываешь себя, ты притворяешься равнодушною; всѣми силами добродѣтели и благородства ты бо-

решься съ собою и не можешь преодолеть себя. И ты хочешь, чтобъ я равнодушно смотрѣлъ на твое терзаніе и позволилъ въ тоскѣ и слезахъ увянуть цвѣтамъ твоей молодости? Нѣтъ, Элиза, ты должна быть моею.

Э л и з а.

Молчите, Графъ! вы меня еще не унижили до такой степени, чтобъ я должна была васъ слушать. Позовите Эмилию — мнѣ надобно возвратиться въ залъ — спѣшите (*смотритъ на дверь*) А! ужъ поздно.... мой мужъ идетъ сюда! Боже мой! что мнѣ дѣлать? Удалитесь, куда вамъ угодно — чтобъ только онъ васъ не видалъ. Ради Бога.... умоляю васъ!

Г р а ф ъ.

Нѣтъ, у меня есть другое намѣреніе: я останусь.

Э л и з а (*складывая руки*).

Генрихъ!

Г р а ф ъ (*поспѣшно уходитъ въ боковую дверь*).

Э л и з а (*одна*).

Что мнѣ сказать ему? Зачѣмъ я здѣсь одна? Какъ онъ печалень! что удерживаетъ его на мѣстѣ и, какъ будто, отталкиваетъ отъ этихъ дверей? Его молчаніе ужасно.....ахъ! ударъ близокъ, я его предчувствую..... Если бы онъ его видѣлъ, слышалъ!....Боже милосердный! какъ страшно быть преступницею! Но могла-ли я ожидать такой измѣны отъ своей подруги?—Все противъ меня — и это сердце, это бѣдное сердце въ заговоръ съ врагами моего покоя и моей чести (*садится*).

Владимиръ *(входитъ медленно, смотря вокругъ)*.

Ты здѣсь, Элиза?

Элиза.

Я гуляла съ Эмилией—и присѣла здѣсь отдохнуть; она только что вышла.

Владимиръ.

Кто? Эмилиа?

Элиза.

У меня голова болитъ; я не могу возвратиться въ залъ.

Владимиръ *(указывая на грудь)*.

А у меня здѣсь болитъ — и потому я его оставилъ.

Элиза.

Ты что то печалень, другъ мой!

Владимиръ.

Можешь-ли ты меня утѣшить? Я проигралъ все!

Элиза.

Боже мой!

Владимиръ.

А ты? развѣ ты ничего не потеряла, Элиза?

Элиза *(умоляющимъ голосомъ)*.

Владимиръ!

Владимиръ.

Пять лѣтъ тому назадъ, по вечерамъ, чуть только свободная минута, я бывалъ уже на конѣ. Помнишь-ли ты

это, Элиза? — путь мой былъ не далекъ, конь бодръ и силенъ, однако всегда усталый и измученный возвращался домой. И не диво, — какая быстрота, какая сила могла летѣть тогда на равнѣ съ моими желаніями?... Когда вокругъ меня раздавалось пѣніе птицъ, зеленѣли луга, гладкая поверхность тихаго озера блестѣла, какъ зеркало; когда вся природа, въ красѣ весны, въ золотѣ заходящаго солнца могла бы приковать мои глаза ко всему, что меня окружало; когда съ шумомъ лѣсовъ она пересылала ко мнѣ слова любви своей, я ничего не слышалъ, не видалъ, — знаешь-ли почему? я спѣшилъ къ тебѣ, Элиза.

Э л и з а.

И ты думаешь что я забыла это время?

В л а д и м и р ъ.

Помнишь-ли ты ту бесѣдку въ нашемъ саду? Издалека я уже замѣчалъ, какъ у дверей ея ты манила меня своимъ бѣлымъ платкомъ; въ тотъ-же мигъ шпоры вонзались въ бока моего скакуна — еще одно мгновеніе — и я уже былъ у ногъ твоихъ — счастливый, спокойный, безпечный. Это повторялось всякій день. Та бесѣдка была проста, скромна; виноградныя лозы вились по стѣнамъ ея, хмѣль одѣваль ея низкіе своды и скрывалъ нашу любовь, невинную, какъ твое сердце, чистую, какъ жизнь ангеловъ, исполненную надеждъ на счастье, какъ мысли осмнадцати-лѣтняго юноши. — Эта бесѣдка, Элиза, украшена всѣми прелестями искусства: здѣсь стѣны выложены мраморомъ, здѣсь золото блеститъ на зеркалахъ, въ которыхъ отражается вся красота твоя; здѣсь всею ослѣп-

лаетъ роскошѣ, и вычурная нѣга раскидываетъ свои при-
манчивыя сѣти..... и здѣсь ты ждешь, Элиза! — но
ждешь уже не меня.

Э л и з а.

Владиміръ! ты считаешь меня виновной!.... О, страш-
ная мысль!

В л а д и м і р ъ.

Когда я взялъ тебя изъ рукъ матери и повелъ къ вѣн-
цу, когда, послѣ того четыре года сряду, постоянно за-
мѣчалъ твою заботливость, твои старанія къ взаимной на-
шей радости, нашему блаженству, Богъ свидѣтель, у ме-
ня не было этой мысли. Знаешь-ли, когда она пришла
мнѣ въ голову? Ты вѣрно помнишь ту минуту. Я никогда
ея не забуду. Ты сидѣла у окна, дѣти играли у ногъ
твоихъ; я занятъ былъ своимъ дѣломъ, но часто отрывалъ
глаза отъ бумагъ, чтобы взглянуть на тебя, какъ будто
предчувствуя, что то была послѣдняя минута, въ которую
ты вся мнѣ принадлежала. Вдругъ раздался топотъ ло-
шади, скакавшей по камнямъ мостовой — ты посмотрѣла въ
окно..... и смотрѣла долго, какъ будто знала, что въ-
докъ воротится. И въ самомъ-дѣлѣ, топотъ повторился
снова..... и твое лицо покраснѣло такъ, какъ теперь.....
И тогда родилась во мнѣ эта мысль. Она теперь созрѣла.

Э л и з а.

О, Боже! я невинна!

В л а д и м і р ъ.

Какъ, Элиза? Развѣ здѣсь была Эмилія? Не обманывай
меня, не лги передо мною! Это было-бы слишкомъ низ-

ко, — но и не признавайся (*глухимъ голосомъ*) я видѣлъ, (*Элиза падаетъ на колѣни*) я до сихъ поръ наблюдалъ за тобою, какъ твой ангелъ-хранитель, издалека, тайно. Я остерегалъ тебя иногда суровостью, иногда печалью. Теперь я припоминаю тебѣ минувшіе годы, чтобы ты не забыла, какъ дорога ты для меня, и сберегла себя цѣну. Не зная еще, до какой степени я несчастливъ, я предвараю тебя, что въ этомъ измученномъ сердцѣ, кромѣ любви къ тебѣ, есть еще другое чувство, страшное, ужасное!.... Помни, Элиза, у насъ есть дѣти, — и эта минута можетъ сдѣлать ихъ сиротами.

Э л и з а (*бросаясь къ нему*).

Домой, домой, Владиміръ!

(*Графъ и Докторъ входятъ*).

Г р а ф ъ.

Какъ? такъ рано?

Э л и з а (*держась за мужа*).

Я больна, Графъ! Мнѣ надобно домой.

Г р а ф ъ.

Владиміръ! зачѣмъ-же дѣлать мнѣ такую непріятность! Это вѣрно твой капризъ! — Ужели за неудачу твою въ игрѣ ты захочешь лишить общество его украшенія?

Э л и з а.

Нѣтъ, Графъ! въ самомъ-дѣлѣ я больна; мнѣ нельзя оставаться.

Г р а ф ъ (*тихо Владиміру*).

Маіору я заплатилъ; когда у тебя будутъ деньги — отдашь мнѣ..... Останься!

Владимірь.

Слышишь, Элиза? Я проигралъ много и Графъ заплатилъ все!

Элиза.

Мнѣ дурно.

Докторъ.

Садитесь, сударыня. *(Подаетъ ей кресло).*

Графъ *(съ упрекомъ).*

Владимірь!

Владимірь *(съ нетерпѣніемъ).*

Графъ!

Графъ *(опомнившись).*

Мнѣ надобно переговорить съ тобою о дѣлѣ очень важномъ. Придешь опять?

Владимірь.

Зачѣмъ-же не теперь?

Графъ.

Отвези жену домой — она нездорова.

Элиза.

Гдѣ Владимиръ? *(тихо ему).* Уйдемъ отсюда *(Уходятъ).*

Графъ *(въ дверяхъ).*

Карету! карету! *(хочетъ идти за ними, докторъ удерживаетъ его).* Чего вы хотите? Что вамъ нужно?

Докторъ.

Погодите, Графъ! Прежде чѣмъ вы станете говорить съ нимъ, мнѣ надобно поговорить съ вами.

Г р а ф ъ.

Что-жъ вы скажете мнѣ?

Д о к т о р ъ.

Я былъ другомъ вашего отца.....

Г р а ф ъ.

Ну? знаю!

Д о к т о р ъ.

Этотъ бѣднякъ, что вышелъ отсюда — мой питомецъ: я нашелъ его на улицѣ, воспиталъ, и люблю какъ сына.

Г р а ф ъ.

Чтожъ изъ этаго?

Д о к т о р ъ.

А вотъ что: вы, Графъ, молодой человекъ, одаренный умомъ, ловкостію, привлекательной наружностью, богатствомъ, съ знатнымъ именемъ, вы подружились съ бѣднымъ человекомъ, у котораго прекрасна жена, доставили ему выгодное мѣсто, окружаете ихъ всеми прелестями жизни. Какъ другъ вашего отца, я долженъ вамъ сказать, что вы поступаете неблагородно, безсовѣстно: вы прикрываете цвѣтами стыдъ ихъ, и рукой, сыплющей золото, разрушаете тихій пріютъ ихъ счастья и спокойствія.

Г р а ф ъ.

Сдѣлай милость, старикъ, оставь свое краснорѣчіе. Это нравоученіе ничто иное, какъ пустая болтовня, а вѣдь тамъ цѣлое общество безъ хозяина.

Д о к т о р ъ.

Пусть лучше толпа туеядцевъ и развратниковъ останется безъ хозяина, чѣмъ сердце безъ узды разсудка!

ВХОДЯЩАЯ АННОТАЦИЯ
УДАЛЕНА
27.6.17.1

Графъ! ваше сердце влечетъ васъ къ гибели! оно стремится въ такую бездну, откуда нѣтъ возврата. Спрашиваю васъ, что вы хотите сказать Владиміру?

Г р а ф ъ.

Дѣло очень важное для меня и для него. Я хочу съ нимъ раздѣлаться какъ честный человѣкъ.

Д о к т о р ъ.

Послушайте, Графъ! это дѣло такого рода, что въ немъ счастье одной стороны и совѣсть другой не могутъ остаться безъ поврежденія и увѣчья.

Г р а ф ъ (*беретъ шляпу*).

А на что жъ у тебя докторской перстень? Будешь лечить.

Д о к т о р ъ.

Не стыдно-ли вамъ, Генрихъ? И въ эту минуту вы хотите отдѣлаться такою неумѣстною шуткою! Могъ-ли я надѣяться, что вы, сынъ благороднѣйшаго отца, будете развратникомъ, для котораго счастье и честь ближнихъ самая неважная мелочь?— Вы надѣетесь на ваши милліоны, на то, что десятерымъ вамъ подобнымъ удалось:— берегитесь, Генрихъ! вы одиннадцатый можете за всѣхъ расплатиться. Хорошо-ли вы знаете человѣка, котораго такъ оскорбляете? Онъ всѣ свои надежды, всѣ мысли, чувства слилъ въ одну любовь къ Элизѣ, и вы хотите отнять у него эту единственную драгоценность! Берегитесь, Графъ! Тотъ, кто умѣетъ любить такъ пламенно, не можетъ мстить однимъ холоднымъ презрѣніемъ. Я хорошо знаю Владиміра,

вижу непреклонность вашего намѣренія, и, признаюсь, мнѣ жаль васъ обоихъ.

Г р а ф ъ.

Тѣмъ скорѣе мнѣ надобно говорить съ нимъ. Ты уже устарѣлъ, чувства твои, порывы души твоей утомонились подъ гнетомъ этаго изношеннаго тѣла, и ты не можешь быть моимъ судьей. Я не хочу умствовать, страсть не терпитъ докучныхъ разсужденій, да и всякая логика будетъ противъ меня. Но хочешь ли ты знать состояніе моей души? Я тебѣ ее открою: я люблю Элизу больше жизни, больше всего на свѣтѣ. Вотъ что я хотѣлъ сказать и ему. Онъ долженъ узнать это отъ меня, и тогда будетъ въ его власти отвратить или уничтожить зло, хотя бы вмѣстѣ со мною. . . . Я готовъ на все! Что жъ ты качаешь головою? — да, я былъ преступникомъ тогда, какъ дерзнулъ обратить глаза мои на эту женщину. Она составляла единственное счастіе честнаго человѣка! я былъ преступникомъ, когда не избѣгалъ тѣхъ прелестей, которыя теперь такъ далеко завлекли меня. Но теперь виновенъ-ли я? ты можешь укорять человѣка, который неосторожно бѣжитъ на краю пропасти; но когда онъ уже потерялъ равновѣсіе, его-ли вина, что онъ не можетъ удержаться въ воздухѣ, что глубокая бездна тянетъ его къ себѣ непреодолимою силою, что паденіе его неизбежно? — Вотъ мое положеніе! Теперь суди меня, какъ хочешь. Если тебѣ угодно, употреби даже всѣ средства, чтобы отвратить несчастіе, которое ты предвидишь. Я не сдѣлаю ни шагу назадъ, потому что не я одинъ буду несчастливъ она меня любитъ (*уходитъ*).

Докторъ.

Бѣдная, несчастная Элиза! но теперь не время жалѣть и плакать. Надобно ихъ спасти. Что же мнѣ дѣлать?.... Безсильное искусство, — у тебя едва достаѣтъ средствъ къ исцѣленію тѣлесныхъ недуговъ, но больной душѣ возвратитъ силы, призвать назадъ убѣгающій разсудокъ, утишить бурю, терзающую сердце, о! чего бы я не далъ, что бы въ рукахъ моихъ было такое искусство хоть на одну минуту! (*подумавъ*) Увезти ихъ? . . . Пусть бѣгутъ отсюда. Тогда только это одно можетъ сохранить ихъ покой, спасти честь. Пожертвую всѣмъ, что имѣю, лишь бы имъ уѣхать отсюда. Но согласится ли она съ твердою рѣшимостью на это средство? О! она должна согласиться! Но если нельзя уже спасти ее? . . . Нѣтъ нѣтъ! это невозможно! Такъ ли скоро падаютъ ангелы? Боже мой! вотъ до чего доводитъ беззаботная праздность! вотъ куда доводятъ благодѣянія богача, дѣланныя не съ чистымъ намѣреніемъ. Но Богъ съ вами, прекрасныя истины, — вы вѣчно прекрасны, а свѣтъ всегда порочень (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

—

Комната Королевы.

Николaй (*сидитъ въ креслѣ и дремлетъ*).

Владиміръ (*входитъ поспѣшно и слегка треплетъ его по плечу*).

Николaй!

Ник о л а й.

Сей часъ, сей часъ, — прикажете раздѣваться?

В л а д и м и р ъ.

Протри глаза. Баринъ дома?

Ник о л а й.

А! это вы сударь? не видали-ли гдѣ нибудь моего старика? Ну, ужъ правду сказать, кому хочется не знать ни дней, ни ночей, пусть идетъ послужить у Доктора.

В л а д и м и р ъ.

Гдѣ ключи отъ этаго шкафа?

Ник о л а й.

Отъ этаго шкафа? А для чего вамъ это? тамъ такія лакомства, въ которыхъ мало проку.

В л а д и м и р ъ.

Чувствовалъ ли ты когда нибудь здѣсь боль, такую боль, которая разрываетъ сердце и превосходитъ всѣ пытки, всѣ муки, какими терзаютъ и увѣчатъ твое тѣло? На эту боль есть здѣсь лекарство. Я знаю, гдѣ оно лежитъ. Отширай!

Ник о л а й.

Да Богъ съ вами, у меня ключей нѣтъ; а еслибъ и были, я бы вамъ ихъ не далъ. — Двадцать лѣтъ я васъ знаю, — вотъ такимъ мальчикомъ вы были, когда я водилъ васъ въ школу. Но никогда еще, признаюсь, я не видалъ васъ съ такимъ лицомъ, какъ теперь. Смотри на

вась, можно подумать, что вы тамъ на лѣстницѣ съ нечистымъ встрѣтились.

В л а д и м и р ъ .

Отпирай, старикъ, у меня боль нестерпимая. —

Н и к о л а й .

Убирайтесь вы съ вашей болезней! Идите-ка лучше спать съ Богомъ.

В л а д и м и р ъ (*отрываетъ дверь шкафа*).

Н и к о л а й .

Что вы дѣлаете? Опомнитесь! — Вотъ тебѣ-на; замка какъ будто не бывало!

В л а д и м и р ъ (*вынимаетъ склянку*).

Вотъ онъ! Теперь никакая сила у меня его не отниметь. О! теперь я безонасенъ, силенъ, могучъ! — Да, я могучъ, какъ плѣнникъ, надъ которымъ насмѣхался неблагородный врагъ, плѣнникъ, который вдругъ увидѣлъ что его руки свободны, что цѣпи его перемѣнились въ оружіе. О! какъ онъ счастливъ! — Онъ можетъ отомстить! (*уходитъ*).

Н и к о л а й .

Господи, Твоя воля! не сонъ-ли это? Или вправду онъ отсюда вышелъ, разбилъ шкафъ и говорилъ здѣсь какъ сумашедшій? да, шкафъ отпертъ, и я не сплю. Плохое дѣло! Хоть-бы старикъ мой скорѣе воротился; вдвоемъ все какъ-то веселѣе; а впрочемъ, лучше запереть двери: одинъ пришелъ съ чахоткою въ сердце и разбилъ шкафъ съ лекарствами, другой придетъ, пожалуй, съ ча-

хоткою въ карманъ и разобьетъ шкатулку. Къ чорту всѣ такіе паціенты! *(стучатъ)* Кто тамъ?

Докторъ.

Отопри.

Николай.

А! это мой старикъ. *(Докторъ входитъ)* Хорошо, что вы пожаловали.

Докторъ.

Пора, я думаю.

Николай.

Пора бы уже выходить изъ дому, а не возвращаться, вѣдь ужъ день.

Докторъ.

Лекарю, любезный, нельзя располагать своимъ временемъ.

Николай.

Точно также, видно, какъ лекарскому слугѣ своею подушкою?

Докторъ.

Что это? кто отперъ мой шкафъ?

Николай.

Это паціентъ, который самъ себя прописалъ рецептъ, отперъ шкафъ и вынулъ лекарство.

Докторъ.

Кто такой?

Николай.

Да кто же, какъ не Владиміръ.

Докторъ (на скоро пересматриваетъ склянки).

Нѣтъ нѣтъ нашель, унесь! Господи! —
Послушай, старикъ, — не принималъ онъ этаго лекарства?
Ну говори же!

Никол ай.

Нѣтъ, не принималъ. — Онъ сказывалъ только, что у
него что-то—такое болить, прижималъ къ груди своей
склянку, будто пластырь, болталъ, Богъ знаетъ, что —
и убѣждалъ какъ сумасшедшій. —

Докторъ.

Шляпу и палку скорѣе!

Никол ай.

Господи, Твоя воля! — Спать вамъ пора.

Докторъ.

Несчастіе не спитъ (уходитъ).

Никол ай.

Съ вашего позволенія, старый Докторъ, теперь я не
останусь одинъ, да и васъ одного не пуцую (уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

=

Комната Графа.

Графъ (входя, складываетъ и
прячетъ письмо).

Безцѣнная Элиза! ты хочешь подать мнѣ примѣръ мужества, ты требуешь, чтобъ я отъ тебя отказался; нѣтъ!

никогда! я исполнѣ цѣпо все величіе твоихъ добродѣтелей, но подражать тебѣ не могу и не стану. Ты приказываешь падить твое спокойствіе, — о! не бойся! до сихъ поръ ничто еще не могло довести меня до низости. Кто же запретить мнѣ употребленіе такихъ средствъ, за которыя совѣсть никогда не упрекнетъ меня. (*Ходитъ взадъ и впередъ*). Однакожъ рѣшительная минута приближается, — и мнѣ становится нестерпимо грустно. — Предпріятіе, казавшееся мнѣ столь простымъ, обыкновеннымъ, принимаетъ совершенно противный видъ, и все зданіе моихъ надеждъ быстро разрушается. И въ самомъ дѣлѣ — мужу, такъ пламенно обожающему жену свою, такъ крѣпко привязанному къ ея сердцу, — такому мужу сказать: отдай мнѣ ее, и вотъ тебѣ въ замѣнъ деньги! — Да, въ самомъ дѣлѣ, это гнусно, безчеловѣчно! — Неужели я доведенъ до такой крайности? — Неужели у меня не достанетъ силъ отказаться отъ счастья, котораго я могу достигнуть только преступленіемъ? Не долженъ-ли я бѣжать этихъ мѣстъ, околдованныхъ ея взглядомъ? Удалиться отъ нея навсегда, навсегда. — Но съ другой стороны, какова-же будетъ ихъ жизнь? Мое пожертвованіе возвратитъ-ли имъ спокойствіе? Отдастъ-ли оно взорамъ ея прежнюю прелесть, прежнее доверіе ея ласкамъ? Нѣтъ! ея душа полетитъ за мною, а въ его рукахъ останется что же? Одна прекрасная статуя, безъ чувства и мысли. Покрайней мѣрѣ онъ такъ будетъ думать, и что разубѣрить его въ этомъ? — Да, зло сдѣлано, увеличиться уже не можетъ! Все это такъ, но ктоже этотъ преступникъ? я? заключенія мои основательны; но кто-же на днѣ этой премудрости? Опять я? Вотъ ужасная мысль, которой ядовитая сила разрываетъ

грудь мою! (*садится*) однакожь въ такомъ положеніи оставить дѣла невозможно! Чѣмъ больше думаю, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что другаго средства нѣтъ—развѣ вызвать на дуэль моего противника—и убить его? никогда! и что выйдетъ изъ этого? могу ли я предложить Элизѣ свою руку, если она будетъ омочена кровью ея мужа? Это ужасно! (*задумывается*).

Л А К Е Й (*входитъ*).

Г Р А Ф Ъ.

Что ты?

Л А К Е Й.

Владиміръ.

Г Р А Ф Ъ.

Знаю. ступай прочь. (*бѣжитъ къ дверямъ*.
Владиміръ входитъ). Здравствуй, мой другъ!

В л а д и м і р ъ. (*останавливается*).

Позвольте!—Наша дружба кончалась долго, едва-ли не съ самаго рожденія, наконецъ вчера отошла. Оставимъ ее въ покоѣ. Вы меня звали. Что вамъ угодно?

Г Р А Ф Ъ.

Садись. Владимиръ, ты говоришь мнѣ съ огорченіемъ,—не скрою—я заслуживаю твои упреки,—я виноватъ. Но если бы ты зналъ, чего мнѣ стоитъ сообщить тебѣ мои мысли, ты-бы подумалъ: въ его сердцахъ есть еще благородныя чувства; онъ также несчастливъ, какъ я.

В л а д и м і р ъ.

Нѣтъ, не такъ.

Г р а ф ъ.

Прежде всего, я прошу тебя, будь хладнокровенъ и выслушай меня терпѣливо.

В л а д и м и р ъ.

Мое терпѣніе доходило до низости; за это-то я и наказанъ теперь.

Г р а ф ъ.

Владиміръ! твоя жена невинна. Если бы я хотѣлъ только обольстить ее, можетъ быть, мнѣ удалось бы и обмануть тебя и достигнуть цѣли. Но во мнѣ не минутная, не переходчивая страсть, я люблю твою жену не меньше, чѣмъ ты самъ ее любишь.

В л а д и м и р ъ.

Такъ убей-же меня и возьми ее себѣ, или я размозжу тебѣ голову!

Г р а ф ъ.

А твои дѣти, Владиміръ? Ты накажешь меня, законъ тебя накажетъ, а она не переживетъ насъ обоихъ.

В л а д и м и р ъ. (*глухо*).

Говори-же, чего ты хочешь? Тетеръ я могу слушать тебя съ такимъ-же терпѣніемъ, съ какимъ дозволилъ злу вкрасться въ мой домъ, отравить источникъ моей радости и потушить свѣтильникъ моего блаженства. (*Бросается въ кресло*).

Г р а ф ъ.

При первой встрѣчѣ моей съ Элизой, меня поразила ея красота; въ то-же время родилась у меня мысль—позна-

комиться съ нею; я думалъ найти въ этомъ новую игрушку и удовольствіе отъ праздности и скуки. Я съ вами познакомился, сблизился, увидѣлъ бѣдность вашего состоянія, и тогда-то сталъ употреблять все искусство, всю хитрость, чтобы заставить васъ принимать мои подарки. Сначала это забавляло меня; но очарованіе увеличивалось-и вскорѣ шутка перешла въ преступное желаніе. Богъ свидѣтель, я боролся съ самимъ собою, —но ни видъ вашего счастья, ни эта смертельная борьба не могли излечить моего сердца: непонятная сила влекла меня къ задуманной цѣли. О! какъ я завидовалъ тебѣ, когда среди моего разсѣянія и вашихъ удовольствій Элиза всегда была возлѣ тебя, когда нѣжнымъ взоромъ или очаровательной улыбкой она покусала у тебя малѣйшій знакъ твоего ко мнѣ расположенія. Ревность мучила меня, но я не смѣлъ тебя ненавидѣть. Наконецъ настали рѣшительныя минуты: я увидѣлъ, что ея счастье и спокойствіе погибли безвозвратно. Владиміръ! вооружись всемъ твоимъ мужествомъ, —ты долженъ услышать тяжкую вѣсть: Владиміръ! она меня любитъ!

В л а д и м і р ъ.

Доказательство! какое у тебя доказательство?

Г р а ф ъ.

Читай!

В л а д и м і р ъ (*беретъ письмо, хочетъ читать, но нервыившись отдаетъ назадъ*).

Это превышаетъ мои силы!

Г р а ф ъ .

Читай смѣло. Если бы это письмо не было доказательствомъ добродѣтели, я-бы тебѣ не показалъ его.

В л а д и м і р ъ (читаетъ).

Сохраните, Графъ, мое спокойствіе и мою честь; бѣгите отъ меня, —я заклинаю васъ всею, что для васъ свято? Я побѣдила себя-я не увижу васъ болѣе! Неужели вы, мужчина, имѣете менѣе твердости, нежели я? (помолчавъ) Да, это правда, она не переживетъ насъ обоихъ.

Г р а ф ъ .

Подумай, Владиміръ, нѣтъ ли средства помочь злу.

В л а д и м і р ъ .

Я знаю одно: умереть.

Г р а ф ъ .

Есть другое, Владиміръ. Оно труднѣе, но благороднѣе: быть великимъ, быть нашимъ другомъ, благодѣтелемъ, творцемъ нашего счастья. Владиміръ! вотъ завѣщаніе для твоихъ дѣтей: —полмилліона на троихъ. А здѣсь вотъ деньги на разводъ. Чтожъ? ты не отвѣчаешь?

В л а д и м і р ъ .

Случалось-ли тебѣ когда услышать роковое слово, которое такъ отзывается въ душѣ, какъ отозвался-бы похоронный колоколъ въ ушахъ мертвеца, если-бъ онъ могъ его слышать, —слово, котораго отголосокъ продолжается на всю жизнь, вторится при каждомъ ударѣ пульса и

приходить на умъ съ каждою мыслию? Такихъ словъ не много, и на нихъ нѣтъ отвѣта.

Г р а ф ъ.

Если бы я одинъ любилъ, еслибъ мнѣ только пришлось быть несчастнымъ, — вѣрь, Владиміръ! я скорѣе-бы умеръ, чѣмъ потребовалъ-бы отъ тебя такого пожертвованія.

В л а д и м і р ъ.

Такъ развѣ необходимо для ея счастья, чтобъ она не мнѣ принадлежала? О, если такъ, разводъ неизбеженъ? (*потупивъ глаза*) Да, и онъ совершится! — Принимаю договоръ. Гдѣ бумаги? — Вы уже условились между собою?

Г р а ф ъ.

Я прощаю тебѣ этотъ вопросъ: ты слишкомъ несчастливъ.

В л а д и м і р ъ.

Да я очень несчастливъ.

Г р а ф ъ.

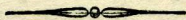
Это письмо доказываетъ тебѣ, что она ничего не знаетъ.

В л а д и м і р ъ.

Это письмо доказываетъ только, что она тебя любитъ. Разводъ? да, другаго средства нѣтъ. Я буду ожидать тебя. Приходи скорѣе, у меня не станетъ силъ сказать ей: я продалъ тебя за полмилліона. Твои взоры, твой голосъ, твое краснорѣчіе скорѣе убѣдятъ ее разорвать узы супружества, оставить мужа безъ утѣшенія и дѣтей безъ матери (*беретъ бумаги и уходитъ*).

Г р а ф ъ .

Что говорилъ онъ? Ужели это голосъ отчаянія? Я не думалъ, чтобъ онъ такъ скоро согласился. Мое сердце истерзалось. Нѣтъ, Элиза, я тебя такъ не оставлю! (*уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е .

Комната въ домъ Владиміра.

Э л и з а (*входитъ*).

Уже семь часовъ, городъ приходитъ въ движеніе послѣ сна и отдыха; все возвращается къ заботамъ и трудамъ. Я одна не могла уснуть. Сонъ мой исчезъ вмѣстѣ съ спокойствіемъ души, чистотою мыслей, и работа не идетъ: рвется нить, иглока не слушается, какъ въ рукахъ пятилетней дѣвочки (*оставя работу, отходитъ отъ окна*). Гдѣ-же Владиміръ? Онъ проводилъ меня только до дверей; ушелъ, не пожавши руки моей, не сказавши ни слова. Не ужели мнѣ снилось, что Генрихъ приглашалъ его къ себѣ? Бывало, когда мы возвращались съ бала, съ какимъ удовольствіемъ онъ воспоминалъ мой нарядъ, мою ловкость, даже мои успѣхи. Ахъ! тогда онъ слѣдилъ за мною глазами любви. Теперь я не заслуживаю ея. Могутъ-ли чувства дружбы и уваженія, еще не угасшія въ моемъ сердцѣ, замѣнить пламенную любовь, которой онъ желаетъ и на которую имѣетъ право? Боже мой! здѣсь

обязанность, тамъ непонятная прелесть увлекали мою душу. Но благодарю Бога, что Онъ далъ мнѣ силы преодолѣть себя. Все кончено: цвѣтистая цѣпь упала съ рукъ моихъ; я сорвала съ глазъ моихъ покрывало, сквозь которое грѣхъ и преступленіе представлялись мнѣ въ одеждѣ невинности; я увидѣла ихъ ужасный образъ и отвратила отъ нихъ взоръ мой на-всегда. Возвратись скорѣе, мой Владиміръ. Приди принять вторичную клятву въ любви и вѣрности отъ обращенной жены твоей (*вслушивается*). Идетъ. Давно я съ такою радостью не ждала его. Пренія впечатлѣнія возвращаются. О! Богъ милостивъ! можетъ быть, прежнее спокойствіе и счастье поселятся снова подъ этой кровлей. Боже мой! Это не онъ!

Докторъ (*входитъ и садится*).

Элиза.

Здравствуйте, Докторъ. Отчего вы такъ устали, такъ блѣдны?

Докторъ.

Я уже два раза былъ у дверей вашихъ—его все нѣтъ.

Элиза.

Мужа моего?

Докторъ.

Когожъ-бы вы думали, сударыня!

Элиза (*въ смущеніи*).

Онъ довелъ меня до дверей и ушелъ, не знаю куда.

Докторъ.

И вы ждете его такъ спокойно?

Э л и з а.

Развѣ я имѣю причину беспокоиться?

Д о к т о р ъ.

Имѣете-ли вы право не беспокоиться? Знаете-ли вы, сударыня, сколько несчастія можетъ случиться въ одну минуту?

Э л и з а.

Вы меня пугаете. Развѣ вы знаете что нибудь?

Д о к т о р ъ.

А вамъ развѣ ничего не извѣстно?

Э л и з а.

Боже мой? Кажется, тогда, какъ мнѣ сдѣлалось дурно, Графъ звалъ его къ себѣ.

Д о к т о р ъ.

Вотъ до чего можно дойти, обращая въ игрушку наши обязанности, святость которыхъ должна внушать полное къ нимъ уваженіе. Жизнь, Милостивая Государиня, есть храмъ, въ которомъ Божество всегда присутствуетъ. Здѣсь забавляться нельзя. Вашего мужа нѣтъ, и всякая минута наводитъ на меня ужась.

Э л и з а (*накидывая мантию*).

Прощайте!

Д о к т о р ъ.

Куда?

Э л и з а.

Жестокіе! вамъ такъ легко растерзать сердце женщины!

Д о к т о р ъ.

Что вы хотите дѣлать?

Элиза.

Брошусь между ихъ оружія: пусть чрезъ эту грудь пройдетъ желъзо прежде, чѣмъ коснется оно сердца котораго-нибудь изъ нихъ!

Докторъ.

Котораго-нибудь изъ нихъ!

Элиза.

Гдѣ жъ онъ? говорите! (*Владиміръ входитъ*). Ахъ, Владиміръ! ты здѣсь? (*Владиміръ, не допуская ея къ себѣ, отворачивается*) Боже мой! (*отходитъ въ сторону*).

Докторъ (*отводитъ Владиміра въ сторону*).

Что ты задумалъ?

Владиміръ.

Элиза!

Элиза (*робко подходя къ нему*).

Мужъ мой!

Владиміръ.

Ступай простись съ дѣтьми, — чрезъ часъ мы ѣдемъ.

Элиза.

Куда?

Владиміръ.

Простись съ дѣтьми, говорю я тебѣ — и оставь насъ.

Элиза (*уходитъ въ слезахъ*).

Докторъ.

Владиміръ! ты заслуживаешь, чтобы и я также оставилъ тебя самому себѣ.

В л а д и м и р ъ.

И я думаю помочь себѣ самъ.

Д о к т о р ъ.

Вонъ носить оружіе для защиты своего отечества отъ враговъ его; онъ тогда только можетъ употребить его, когда законъ дастъ ему на это право. Но кинжалъ, ядъ противъ себя или другихъ,—его носить съ собою только одинъ разбойникъ.

В л а д и м и р ъ.

Истинная правда..... значить тебѣ извѣстно, что я разбилъ твой шкафъ? Но это была минутная мысль, дикая, какъ то чувство, которое тогда мною овладѣло. Да, мой другъ, ты меня знаешь хорошо, и легко повѣришь, что такому человѣку, какъ я, должна была придти въ голову мысль.—Полгода прожилъ я въ непрерывной борьбѣ: сомнѣніе и ревность волновали мою душу. Ахъ, какъ томителенъ былъ этотъ ядъ! Наконецъ, вчера я увидѣлъ себя на краю пропасти: я почувствовалъ, что грудь моя переполнилась, и боль, которую такъ долго я таилъ, стала для меня нестерпима; въ эту-то минуту я вооружился оружіемъ, которое ты называешь разбойничьимъ. Но извини, старикъ! Я его считаю лекарствомъ,—и вы иногда употребляете его; вся разница въ количествѣ: для недуга тѣла нѣсколько гранъ меньше, для болѣзни души нѣсколько гранъ больше.

Д о к т о р ъ.

Сумасшедшій.

В л а д и м и р ъ.

И въ самомъ дѣлѣ я былъ тогда близокъ къ сумасше-

ствію. Но успокойся, благодѣтель! все прошло уже: я опомнился, увидѣлъ, что есть другія средства спасти себя, и рѣшился прибѣгнуть къ тому, о которомъ ты мнѣ намекнулъ когда-то. Я оставляю этотъ городъ: удалось отсюда, бѣгу—куда? и самъ не знаю. Но тѣмъ лучше, чѣмъ дальше отъ пагубнаго соблазна.

Докторъ.

Ну, слава Богу! — это дѣло. Такова была и моя мысль. Надѣюсь, что и она согласится охотно; если же нѣтъ, то и на это найдутся средства.

Владиміръ.

Она согласится, я не сомнѣваюсь. Но дѣтей взять съ собою я не могу. Моя повозка должна быть поспѣшна, скрытна. Тебѣ только будетъ извѣстно, въ какомъ уголкѣ земли скрою стыдъ свой.

Докторъ.

Умно; ты задумалъ дѣльно.

Владиміръ.

Что-жъ тутъ удивительнаго? Ревность гораздо изобрѣтательнѣе и хитрѣе самой любви: здѣсь дѣло идетъ о моей чести, о счастіи ея уже не говорю; но когда кораблекрушеніе неизбежно, не благоразумнѣли спасать то, что еще можно спасти; иначе, стараясь сохранить все, можно всего лишиться..... О, чего-бы я не далъ, если бы могъ возвратить для себя тѣ сладкія минуты, когда она пріѣтствовала меня улыбкою радости, когда пересказывала мнѣ лепетъ нашихъ малютокъ, когда въ тишинѣ сумрака позволяла мнѣ положить голову на ея колѣняхъ и пре-

даться сладкой дремоть. — О! это былъ сонъ, но развѣ сонъ не жизнь? развѣ за него мы не должны благодарить небо?... Теперь инныя заботы: все зависитъ отъ тебя.

Докторъ.

Не нужны-ли тебѣ деньги?—Все, что я имѣю—твое.

Владимиръ.

Благодарю. Говорятъ нѣтъ худа безъ добра. Въ самомъ дѣлѣ и несчастіе можетъ быть полезно хоть тѣмъ, что оно открываетъ намъ истинныхъ друзей. Деньги у меня есть. Послѣ однако жъ, если мнѣ надобно будетъ остаться по-долѣе за границей, ты позволишь мнѣ обратиться къ тебѣ.

Докторъ.

Я всегда буду готовъ помочь тебѣ.

Владимиръ.

Теперь нуженъ паспортъ для меня и Элизы, но подъ чужимъ именемъ. Назови меня, какъ хочешь; у меня голова занята другимъ, и самъ я этого не придумаю. Уладь только такъ, чтобъ она вѣдала со мной подъ именемъ сестры моей. Такимъ образомъ мнѣ легче будетъ обмануть Графа. У тебя обширныя связи, и ты можешь безъ труда мнѣ исходатайствовать это.

Докторъ.

Хорошо—могу.

Владимиръ.

Только сегодня. О, еслибъ ты зналъ, какъ меня давитъ этотъ воздухъ.

Докторъ.

Понимаю; у тебя будетъ паспортъ сегодня-же.

Владимиръ.

Теперь еще одно благодѣяніе, и важнѣе всѣхъ.

Докторъ.

Что-же? говори.

Владимиръ.

Будь опекуномъ дѣтей моихъ.

Докторъ.

Они будутъ моими. Это само-собою разумѣется.

Владимиръ.

Вотъ довѣренность, которая дастъ тебѣ полную власть.

Докторъ.

К чему эти формы? развѣ ты ужъ не думаешь возвратиться?

Владимиръ.

Я рѣшился не возвращаться до тѣхъ поръ, пока минуетъ опасность. Впрочемъ, можно-ли что нибудь утвердительно сказать о завтрашнемъ днѣ? Каждая минута жизни—новая волна, которая можетъ поглотить человѣка или разрушить всѣ его надежды.

Докторъ.

Отдай мнѣ, Владимиръ, что ты у меня похитилъ.

Владимиръ.

О, еслибъ кто отдалъ мнѣ то, что потерялъ я!—Пусть

это лекарство останется у меня: употреблять его я не буду до тѣхъ поръ, когда всякое другое средство сдѣлается бесполезнымъ; когда безотрадная жизнь превратится въ тяжкое бремя, которое одолѣть мои силы; или когда, — зачѣмъ скрывать отъ тебя? — когда настанетъ часъ моего лишенія! — Кто знаетъ? Онъ можетъ насъ найти, обольстить ее, похитить у меня, — тогда, о, клянусь Богомъ! я отмищу ему. —

Докторъ.

Отдай, Владиміръ.

Владиміръ.

Если хочешь возьми; но смотри: вотъ вексель въ двадцать тысячъ; покоя и счастья не купишь за деньги, но ядъ найдется вездѣ.

Докторъ.

Какъ знаешь, — Богъ съ тобою! Однакожъ не слѣдовало бы..... но, по крайней мѣрѣ, даешь-ли мнѣ слово, что только въ крайности.....

Владиміръ.

Спѣши, добрый старикъ, спѣши проводить насъ за городъ, тамъ я отдамъ тебѣ, тамъ..... ужъ нѣтъ его.....

Докторъ (идетъ).

Помни-жъ (возвращается). Есть у тебя коляска?

Владиміръ.

Да, объ этомъ я и не подумалъ.

Докторъ.

Возьми мою, она прочна и покойна; спѣши, мой другъ; дѣтей твоихъ я не оставляю. Но ты будешь писать ко мнѣ

часто, не правда - ли? Постой, нужно - бы придумать адресъ, — но объ этомъ послѣ. До свиданія (*возвращается*).
Владиміръ! мой добрый Владиміръ! ахъ, какъ-бы я желалъ увидѣть тебя спокойнымъ и счастливымъ! (*уходитъ*).

В л а д и м і р ъ.

Спокойнымъ и счастливымъ! да, спокойнымъ могу быть скоро, счастливымъ (*вздвигнувъ*) — не знаю. Добрый старикъ! онъ не оставитъ моихъ дѣтей (*ставитъ два серебряные кубка на столъ*). Василій!

В а с и л і й (*входитъ*).

Что прикажете?

В л а д и м і р ъ.

Половину этаго лекарства влей въ который-нибудь изъ этихъ кубковъ, понимаешь, въ одинъ, послѣ нальешь полно воды въ оба (*отдаетъ ему склянку и отворачивается*) что? готово?

В а с и л і й (*сдѣлавши, что приказано, возвращаетъ склянку*).

Готово.

В л а д и м і р ъ (*прячетъ склянку*).

За сколько мѣсяцевъ слѣдуетъ тебѣ жалованья?

В а с и л і й.

За три, сударь.

В л а д и м і р ъ.

Вотъ твои деньги.

В а с и л і й.

Здѣсь больше. Вы не ошиблись?

В л а д и м и р ь.

Ничего, сочтемся послѣ; ступай теперь на почту и спроси лошадей.

В а с и л и й.

Прикажете и мнѣ собираться съ вами?

В л а д и м и р ь.

Ты останешься, — будь вѣренъ; — прощай, добрый Василій.

(Василій уходитъ).

В л а д и м и р ь *(накрываетъ кубки салфеткой).*

Теперь я жду тебя, мой почтенный гость! ты шутилъ моимъ счастьемъ я пошучу теперь твоею жизнью, — а можетъ быть, и своею. Что нужды! Та самая судьба, которая положила въ колыбель твою миллионы, пусть управляетъ теперь этимъ роковымъ выборомъ.

Э л и з а *(сходитъ и останавливается вдали).*

Ты одинъ?

В л а д и м и р ь.

Одинъ, въ полномъ смыслѣ одинъ.

Э л и з а.

Я не смѣю приблизиться къ тебѣ.

В л а д и м и р ь.

Ты справедлива къ себѣ.

Э л и з а.

Я была виновна.

Владимиръ.

Ты была?

Элиза.

Да, вѣрь мнѣ.

Владимиръ.

Довѣріе, Элиза, все равно, что жизнь, что честь; потерять его можно одинъ только разъ.

Элиза.

И такъ для меня уже нѣтъ надежды?

Владимиръ.

Для меня нѣтъ, — для тебя есть еще.

Элиза.

Безъ твоего уваженія?

Владимиръ.

Можетъ быть, и безъ уваженія Графа, но въ его объятіяхъ.

Элиза.

О! я очень несчастлива!

Владимиръ.

А я? Если бы ты могла даже принадлежать мнѣ, то кто возвратитъ мнѣ уваженіе твоего сердца? ты забыла, Элиза, что это драгоцѣннѣйшее приданое, которое жена приноситъ своему мужу. Кто мнѣ возвратитъ довѣріе къ твоей добродѣтели, когда для внутренняго обожателя, который поклонялся твоей красотѣ, ты разтерзала сердце мужа, который чтить твою душу.

Элиза.

Я не увижу его больше (*Графъ входитъ*).

В л а д и м и р ъ.

Вотъ онъ: ты уже не моя.

Э л и з а.

Лучше умереть.

В л а д и м и р ъ.

Войдите, Графъ. Благодарю васъ, что вы сдержали свое слово (*идетъ къ дверямъ и запираетъ ихъ*). Переговорите между собою, я пойду взглянуть еще на дѣтей (*уходитъ*).

Г р а ф ъ.

Элиза! что онъ тебѣ сказалъ?

Э л и з а.

Что долженъ сказать. Оставьте меня. Ступайте отсюда.

Г р а ф ъ.

Я приготовилъ тебѣ убѣжище въ монастырь, пока не выйдетъ разводъ.

Э л и з а (*съ ужасомъ*).

Разводъ!

Г р а ф ъ.

Мужъ твой на все согласенъ.

Э л и з а.

У меня голова кружится (*падаетъ въ кресла*).

Г р а ф ъ.

Сжался надо мною, Элиза!

В л а д и м и р ъ (*входитъ*).

Ужасный, душу раздирающій видъ! Спать, спать такъ тихо, какъ будто ангелы-хранители осѣнили ихъ сво-

имъ покровомъ; румянецъ жизни и здоровья играетъ на цвѣтущихся ихъ личикахъ, улыбка невинности на ихъ розовыхъ губкахъ О! будь готовъ, обольститель! Одинъ изъ насъ не выйдетъ отсюда.

Г р а ф ъ.

Я готовъ, но зачѣмъ ты измѣняешь договоръ?

В л а д и м и р ъ.

Зналъ-ли ты, съ кѣмъ имѣлъ дѣло? Если я такъ долго молчалъ, ты и подумалъ, что я позволю отнять у себя ту, которая составляла единственное благо моей жизни? Меня нашли на улицѣ; меня пріютили руки милосердія, мнѣ не знакомъ голосъ отца, улыбка матери, ласки сестеръ. Она замѣняла мнѣ ихъ всѣхъ; я любилъ ее и привязанностію сына, и дружбою брата, и любовью мужа; а ты думалъ, что я продамъ ее тебѣ за деньги? Она тебя любитъ; ты возьмешь ее, но вмѣстѣ съ моею жизнію! Элиза, доверши, что начала ты: въ эту минуту у насъ будутъ два праздника вмѣстѣ: разводъ и свадьба (*открываетъ кубки*). Вотъ угощеніе, будь-же хозяйкой. Въ одномъ изъ этихъ кубковъ есть ядъ. Избирай,—и пусть твое сердце управляетъ твоею рукою; можетъ быть, выборъ падетъ на меня.

Э л и з а.

Убей меня!

В л а д и м и р ъ.

Не отказывайся Элиза! Это рѣшено. Вы еще въ моемъ домѣ; здѣсь я хозяинъ,—и нѣтъ силы, которая бы вырвала васъ изъ моихъ рукъ.

Г р а ф ъ

Ты съ ума сходишь; я тебѣ сказалъ, что я готовъ. Зачѣмъ

же ее ты мѣшаешь въ это дѣло? — оно должно кончиться между нами. Если хочешь избирать оружіе — я согласенъ.

Владиміръ (*показывая на кубки*).

Вотъ мое оружіе.

Графъ (*беретъ одинъ кубокъ и пьетъ; Элиза, вскрикнувъ, протягиваетъ руку, желая удержать руку Владимира, но, ослабѣвъ, падаетъ на колѣна*).

Владиміръ.

Теперь моя очередь (*пьетъ*).

Графъ и Владимиръ (*долго смотрятъ другъ на друга, Элиза молится и взгладываетъ съ ужасомъ то на одного, то на другого*).

Графъ (*торжественно*).

Ты захотѣлъ, — свершилось! Кому же изъ насъ двоихъ назначено умереть!

Владиміръ.

Не знаю.

Графъ.

Дай руку мнѣ, Владимиръ. Мы сошлись въ одномъ чувствѣ и не должны разставаться врагами. Если я долженъ умереть, пусть по крайней мѣрѣ, ненависть твоя не сопровождаетъ меня въ могилу.

Владимірѣ.

И я желаю снести съ собою въ могилу твое уваженіе: вотъ твое завѣщаніе (*разрываетъ его*). Ты не долженъ думать, чтобъ я былъ въ состояніи продать честь жены своей и сдѣлать дѣтей своихъ богачами, цѣною добраго имени ихъ матери. Прости мнѣ, Генрихъ! Она стоитъ того, чтобы эта минута была для одного изъ насъ послѣднею.

Графъ.

Дай мнѣ перо и бумаги, Владимиръ. Мнѣ есть чѣмъ распорядиться.

Владимірѣ.

Кажется, тебѣ останется для этого довольно времени... такъ это я иду на судъ Всевышняго Судьи? Онъ видитъ мою душу! (*падаетъ*).

Элиза (*вскочивъ*).

Владимірѣ! Владимиръ! что ты сдѣлалъ?

Владимірѣ.

Элиза! Ахъ, какъ тяжело разставаться съ тобою! Но имѣешь ли ты довольно силы? — вотъ другая половина (*подаетъ ядъ*).

Элиза (*выпиваетъ его*).

Графъ (*хотѣвъ удержать ее*).

Элиза! поздно!

Элиза.

Благодарю, Владимиръ! ты еще довѣрялъ моему сердцу.

Графъ.

И я вамъ убійца! О, проклятая минута!

В л а д и м і р ъ (*беретъ руку Элизы*).

Прощай!—прощай и ты, Генрихъ! ты не столько еще сдѣлалъ зла, сколько я думалъ. Элиза! ты со мною (*умираетъ*).

Э л и з а.

Ты скончался, душа твоя успокоилась, — я скоро послѣдую за тобою. Жена исполнила священнѣйшій долгъ свой, теперь очередь матери. — Генрихъ! Не гляди такъ ужасно! Ужели въ душѣ своей ты не найдешь довольно твердости, когда столько обязанностей передъ тобою? Генрихъ! ты меня любилъ..... Въ эту торжественную минуту я не отвергаю любви твоей; вотъ рука моя, Генрихъ! (*цалуетъ его*) Это прощаніе жены твоей, — а тамъ — тамъ твои дѣти (*падаетъ у трупа Владиміра*).

Г р а ф ъ.

Да, я буду для нихъ отцемъ, а они мнѣ вѣчнымъ упрекомъ! —

Харьковъ.
